

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕННАЯ БУМАГА

Действителен  
по 31 декабря  
1993 года.

Подделка чеков  
преследуется  
по закону.

**Всяк  
забавляется  
как может**



ПРИВАТИЗАЦИОННЫЙ

10 000

РУБЛЕЙ

10 7573430

84 (2 Пер - Руч) 6  
Валерий Михайловский  
М 69

г. Нижневартовск

К 84(2Рос = Рус) (

Дав отдохнуть игре служебного фонтана,  
За мнением страны попристальной следи; 1169  
И, чтобы жертвою не стать самообмана – БДИ!

Козьма Прутков

ОТ АВТОРА:

**“ВВИДУ НЕБОЛЬШОГО ТИРАЖА –  
ДЛЯ не очень ШИРОКОГО КРУГА ЧИТАТЕЛЕЙ”**



К 84/2 Рос = Рус/1

М 69

# СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Нидергартовская  
районная  
БИБЛИОТЕКА  
ИНВ. № Н 2550-0/1

## **ПРО РЫБАКОВ И РЫБКУ...**

**(или история приватизации в отдельно взятом лесу)**

**(сказка для взрослых)**

Царь зверей – Медведь вальяжный,  
Хитрый Лис сидит у ног,  
С черной мордой Кот домашний, –  
Делят поровну пирог.  
Не пирог, а пирожок,  
После смуты что остался.  
Промеж них пошел торжок,  
Пока Пудель не вмешался.  
Царь сидит на троне тихо,  
Поплыли в глазах круги,  
И уже сквозь сон не слышит  
Он сутяжные торги.  
Кот проверенным когтем  
Начертил кусочек клином:  
"Мы пойдем своим путем,  
Наш дом будет с мезонином.  
Дом ли, терем, все равно!  
Главное, чтоб было видно  
Сразу всех в одно окно.  
Чтобы звери издалека  
Не вступали с властью в спор,  
Государевое око  
Охватить должно простор.  
Чтоб за крупною рекой  
И за речкою помельче  
Не чинили бы разбой,  
Воровали чтоб поменьше.  
И поменьше б говорили  
О тяжелых временах.  
И поменьше б водки пили.  
Затянули б свой запах,

И не жрали б полным ртом!".  
Как поспоришь тут с Котом?

Пока Кот домами хвастал,  
Лис кусочек откусил  
(Чтобы не сидеть напрасно),  
Не жуя все проглотил.  
Не дождется Лис, бедняга:  
"Что ты тут развел бодягу!  
Мне, как кажется, сперва,  
Чтобы было больше толку  
Ублажить нам нужно Льва,  
Подкормить немного Волков:  
Пусть немного пожуют...  
Все равно они друг друга  
Рано-поздно погрызут.  
Ну, а если хочешь жить,  
Жить не просто, а отменно,  
С Барсуками, брат, дружить  
Нужно просто непременно.  
Эти хоть немного скряги,  
Делятся с большим трудом,  
Но зато уж работаги...  
Все скирдуют на потом.  
Они сильно были рады,  
Как Нуф-Нуф реформой-шоком  
Благополучия ради  
Всех зверей поставил боком.  
Знаю я, как дальше жить!  
Чтобы Овцы были целы  
И Волков не раздражить,  
И чтоб Осы не шумели —  
Будем все путем делить.  
Зайцам, Ежикам и Белкам,  
Лошадям, Лосям, Оленям,  
Детям, старым, мелким клеркам,  
Горностаям и Тюленям  
Даже в самых дальних точках,

Нужно каждому вручить  
Персонально по листочку”.

И сейчас же по лесам,  
По болотам и по кочкам  
Штампы ставят тут и там  
На фиговых на листочках.  
Листья пачками летят.  
Лисовину, чур, не спится.  
Ведь недаром говорят:  
Дело мастера боится.  
Никому и невдомек  
Зверям здесь и повсеместно —  
Может, листья пожевать,  
Иль прикрыть срамное место?  
"Ну зачем, скажите, нам  
Эти вот листки?  
Лучше всем подряд зверям  
Выдали б портки.  
Нам же зиму зимовать,  
Хочется и кушать...  
А вокруг что говорят?  
Страшно ведь послушать!  
Говорят, что по лесам  
Вороны летают,  
За бесценок тут и там  
Листики скупают.  
Говорят, что их сжигают  
В чудо-печках за бугром,  
А из пепла получают  
Золото! Да с жемчугом!  
Будто листики горят  
Золотым огнем,  
Будто искры оседают  
Золотым песком.  
Будто печи эти есть  
Только за границей,  
И как будто Лис привез

Пару штук в столицу.

В печи листики летят;  
Лисовину вновь не спится.  
Да-а-а! Недаром говорят:  
Дело мастера боится!

А зачем, скажите, НАМ  
Эти вот листки?  
Лучше всем подряд зверям  
Выдали б портки.  
Чтоб от голода и стужи  
Мы не голосили,  
Чтоб не радовался рыжий  
Забугорский Билли.

За морями, за бугром  
Потирает Билли руки:  
"Долго с ихним бардаком  
Не помру со скуки!  
Не могу я их понять  
Ни умом, ни задом:  
То шарахаются вспять,  
То вперед парадом.  
То была одна тайга,  
Теперь перелески.  
Кто у них теперь слуга?  
Царь кто? Неизвестно.  
Правда, что мне нравится,  
Что дела у сих зверей  
Долго не поправятся.  
Что ж, придется "помогать"  
Сирым и голодным.  
Хищникам мяса продать,  
Травки – травоядным.  
Думаю, мои Мустанги  
И Койоты тоже  
Повезут за океаны,



Что себе не гоже.  
Им же, диким, все равно:  
Что конфетка, что говно."  
Билли-Гризли улыбнулся,  
Чуть оскалив пасть.  
Для того ли этот ротик,  
Чтобы пальцы класть?

Козы, Свиньи, Тараканы,  
Вся звериная семья  
Жрут заморские бананы —  
Лезет аж через края.  
Бурундук совместно с Белкой  
Тащат тяжеленный воз.  
На возу один уселся  
Агромаднейший кокос.  
Глухари теперь клюют  
Все не то, что раньше,  
Не по-нашему поют,  
По заморски пляшут.  
Объясняется в любви  
Ворон, блин, Кукушке:  
"Я же, так сказать, лав ю", —  
Шепчет ей на ушко.  
"Не садился бы ты, старый,  
Да не в свои сани.  
Коли хошь меня пощупать,  
Гони мани-мани".  
Бурундук с соседкой Белкой  
Третий день жуют кокос.  
Аж смотреть на бедных жалко —  
Так измучил их понос.  
Еж-портной работу бросил,  
Стал грибами торговать.  
Зайчик милостыню просит,  
Волки стали обдирать  
Всех, кто трудится, торгует,  
Кому есть чего терять,

Кто молчит и кто блефует,  
У кого ни дать, ни взять.  
Прячут Волки по завалам  
Золотые слитки.  
Обобрали уж шакалы  
Всех зверей до нитки.  
Но и ихние ряды  
Сильно поредели:  
Кого пнули за "труды,"  
Кого просто съели.  
Тут и там разбой идет,  
Гибнут звери, чахнут.  
Сыт голодного неймет:  
Лес по дереву не плачет.

По равнинам и горам,  
По болотам и по гривам  
Бродят звери тут и там,  
Ощетинивши загривок.  
Бродят, лапы опустив,  
По тропинкам-строчкам,  
На середьш прицепив  
С штемпелем листочки.  
Вот и в стаи посбивались,  
Маются мечтой заветной.  
Вожаков своих толкают  
На цареве место.  
Потянулись руки разом  
К царственному трону.  
Многие уж примеряют  
На себя корону.  
Там Енот с собачьим сердцем  
Весь от злости красный,  
Посыпает раны перцем,  
Пасть свело от лютой страсти:  
"Бейте всех подряд, ребята —  
И Волков, и Барсуков!  
Нам бы до Царя добратся!"

Будь готов! — Всегда готов!”  
Там другой верховный стаи  
Что-то колобродит,  
Он и сам порой не знает,  
Что же он городит.  
Хочешь — верь, а хошь — не верь:  
Кроет матом смачно.  
“Ты какой породы зверь?”  
“Лев я, однозначно!”  
То как Тигр себя ведет,  
Подчас лает, как Собака,  
То так царственно плывет,  
То, чуть что, так лезет в драку.  
Часто Тигры то грызутся,  
То друг другу льстят.  
Наверху себе дерутся,  
А внизу чубы трещат.

Нам вернуться бы давно  
Надобно к Медведю.  
Царь зверей, чай, не бревно,  
Хоть лежит с обеда.  
Спит себе и в ус не дует.  
Снится ему сон:  
Будто все вокруг танцуют,  
В дудку дует ОН.  
Будто Лис с Котом в обнимку  
Под его дуду  
Пляшут весело “калинку”,  
Словно шило в их заду.  
Будто Волки с Барсуками  
Тоже вместе пляшут.  
Будто бегают с мешками  
И листками машут.  
Будто листики в руках  
У них не простые,  
Будто листики в мешках  
У них золотые.

И как будто Лис с Котом  
От зари и до зари  
Раздают листки зверям  
Кому два, кому по три.  
На работу Еж идет,  
Заяц не боится Волка,  
Белка НАШ орех грызет,  
Не щетинит Еж иголки.  
И во всех лесах, лугах  
Бабочки летают.  
На равнинах и в горах  
Солнышко сияет.

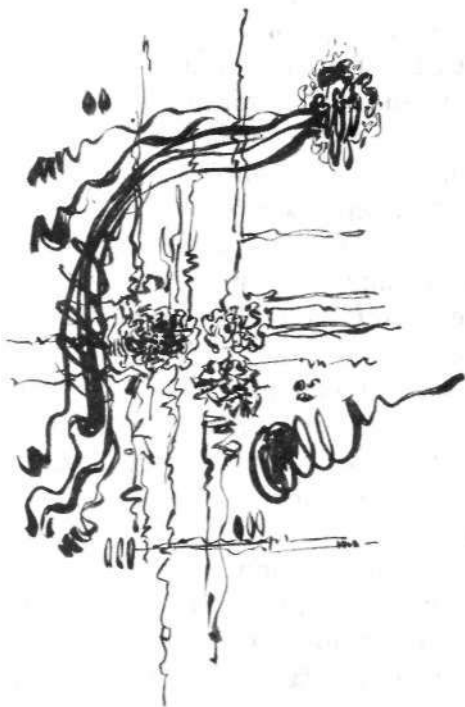
Будто Пудель Артемон  
Под дуду не пляшет,  
В руки взял аккордеон  
И Царю рукою машет.

Вдруг случилась гроза,  
И Медведь проснулся.  
Как протер себе глаза —  
Даже ужаснулся.  
Обнял толстую осину,  
Жутко заревел,  
Но у зверя древнего  
Голос сильно сел.  
Не берет уже дворовых  
От царева рева жуть.  
По двору они шныряют,  
Поднимают муть.  
Воду чистую не любят  
Эти рыбаки.  
Кто помельче — щуку удят,  
Осетра ждут Барсуки.  
Кто-то в кепке, кто-то в шапке,  
Кто-то при погонах —  
Умоляют Злату Рыбку  
Изменить законы.

Лис с бригадой рыбаков  
Невод вытянуть не могут.  
Семь потов сошло с "братков":  
Захотелось сразу много...  
Ох, богатые пруды  
У Медведя в царстве!  
Только жалко, нет воды  
Чистой в государстве.

Сказка и мораль имеет:  
Чем Царь старше, тем мудрее,  
Но не надо спать ложиться,  
Пока Лис у ног вертится.  
Потому что Лиса суть  
В том, что лучше света – МУТЬ.  
И коль голос стал садиться,  
Трон царю уж не годится.

*Ноябрь, 1997 год.*



## ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛЬ...

*Друзьям-охотникам посвящается*

Дело было в прошлом годе,  
Может, года три назад.  
Это было нынче, вроде...  
Нет, не нынче..., виноват.  
С кем же было это дело?  
Не могу никак понять:  
То ль со мною, грешным делом,  
То ль с Антонычем опять.

Наш герой хорош ходок!  
Взял с собою рюкзачок,  
Лыжи старые нашел  
И за зайцами пошел.  
Зайцы тоже не лежали,  
За ночь много натоптали.  
И, наверно, под обед  
Вышел наш герой на след.  
След ведет его кругами.  
Снегу много под ногами.  
Плохо по снегу бродить,  
Чай, не посуху ходить.  
Зайцу ветер помогает,  
След поземка замечает,  
А охотник рыщет, рыщет,  
Снег метет, а он все ищет.  
След косоногого то петляет,  
То внезапно пропадает.  
Там вот лежка, там вот сидка,  
Там вот сдвойка, там вот скидка.  
За нос водит хитрый бес.  
— И зачем за ним полез? —  
Задаст такой вопрос  
Сам себе герой под нос.  
Нету следу ни начала, нету следу ни конца.  
Сел охотник на пенечек и налил себе винца.

Веселей пошла охота:  
 Аж бежать ему охота!  
 Влево, вправо, по кустам —  
 Зайца нет ни тут, ни там.  
 И охотник понемногу  
 Сбился чуть, идет не в ногу.  
 И опять пошел кругами  
 Не чужими, чай, ногами.  
 Нету следу ни начала, нету следу ни конца.  
 — Сяду-ка я на пенечек, да налью себе винца.  
 Что тут бегать за зверьком,  
 Если встретился с пеньком.  
 Выпил все, аж дно видать.  
 — Как же зайца мне догнать?  
 Сел, задумался детина:  
 — Окаянная картина!  
 Может, плюнуть на зайчишку  
 Да идти себе в избушку?  
 Встал бедняга, отряхнулся,  
 Влево, вправо оглянулся,  
 И пошел (хоть, слава богу)  
 Не совсем прямой дорогой.  
 Вдруг он зайца замечает,  
 Про себя же отмечает:  
 — Сразу два! Все вряд стоят!  
 Достает патрон, ружьишко,  
 Наставляет на зайчишек  
 И, чтоб завалить двоих,  
 Целит аккурат меж их.  
 Как вдвоем они стояли,  
 Так все вместе побежали.  
 Грянул вслед зайцам дуплет  
 (Не с кем тут держать совет).  
 Выстрел эхом обернулся,  
 Чуть охотник пошатнулся...  
 А как дым сошел на нет,  
 Смотрит — зайцев тоже нет.  
 — Видно, дробь летела криво.

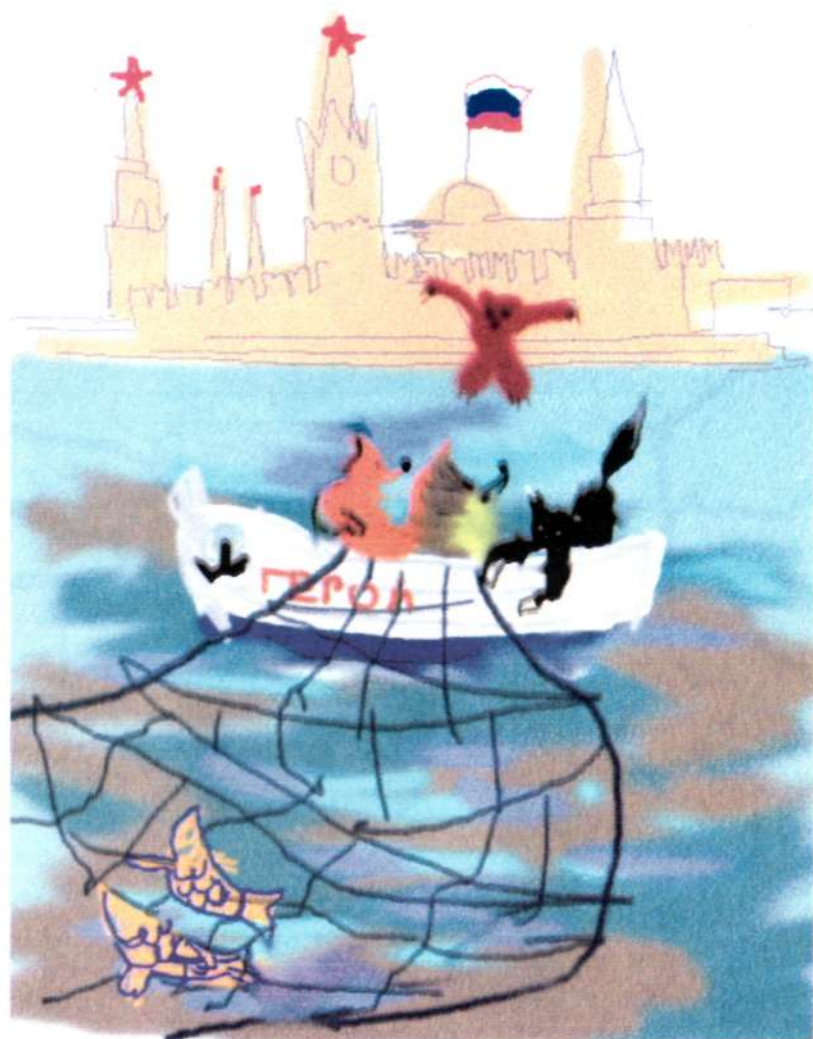
Зайцам просто подфартило.  
И побрел теперь герой  
В избу. Ту, что под горой.  
Видит, избы две стоят:  
— Что за хутор? Свят! Свят! Свят!  
Слышит: — Вот же он нахал!  
А мы думаем — заплутал!  
— Что за дело? Вот те блин!  
Две избы, порог один!  
— Ты, сда-ет-ся, друг лю-без-ный  
Тоже, вроде, не един.  
Шевелят губами оба: голос будто бы один.

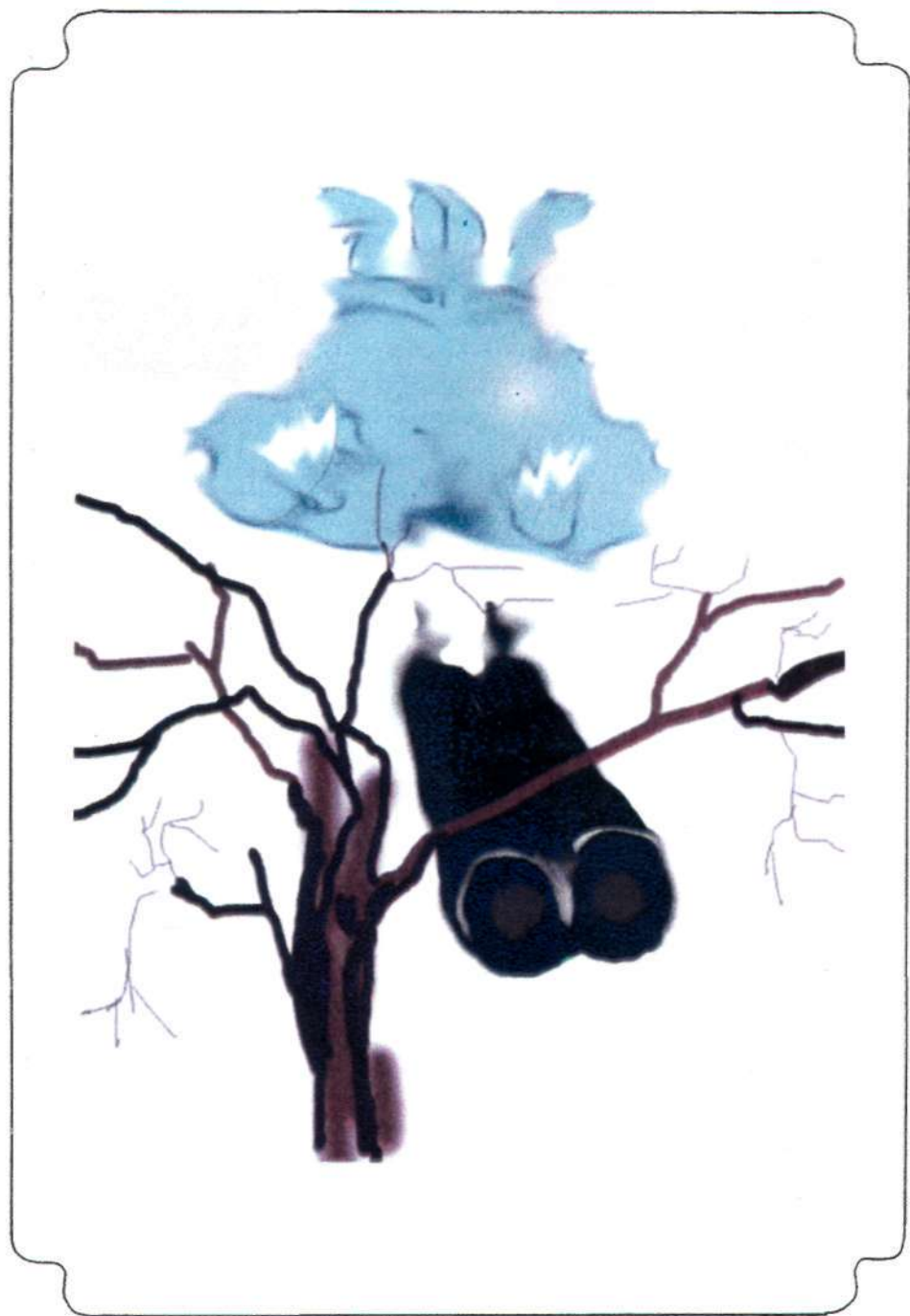
Затопили в избе печку  
И зажгли для света свечку.  
Угостился кто чайком,  
Кто балуется пивком...  
Час иль два уже прошел,  
Разговор такой зашел:  
— Где же ты плутал весь день?  
Расскажи, коли не лень.  
Мы, как начало смеркаться,  
Стали шибко сумлеваться:  
Может, ты забыл дорогу,  
Может, где попал в берлогу  
И медведь тебя обнял?  
— Ты не в бровь, а в глаз попал.  
Как зашел в тайгу давеча  
Я отседа недалече,  
Так верстов отсель полста,  
Как выходит из-за куста  
Лось. Огромный, как гора,  
И рога, как веера.  
Златом аж бо отливают.  
Я по им тотчас стреляю.  
А стрелок я будь здоров!  
Лось остался без рогов.  
Мне же не было причины



Для лося желать кончины.  
Вот рога другое дело,  
Аж за душу мя задело.  
Посмотрел: лось, зад задрал,  
Без рогов в лес убежал.  
Я к рогам в весь дух пустился  
И в берлогу провалился...  
Темнота там, дух неважный,  
Я же, знаете, отважный.  
Спичкой чиркнул в темноте:  
Как у тещи на тахте,  
На моху медведь лежит  
Мирно, тихо так сопит.  
Сунул лапу себе в пасть,  
Отдыхает себе всласть.  
И не знает царь зверей,  
Что я целю меж очей.  
Щелкнул в тишине боек —  
Я ведь, братцы, чуть не взмок.  
Я, как давеча стрелял,  
Так патрон не заряжал.  
Шарю пули: гвалт, шантаж!  
Потерялся патронташ!  
Я за нож, ножа не стало,  
Все! — подумал, — Все пропало:  
Шкура, печень, мясо, сало!  
Вот же он лежит, медведь!  
Как же взять его, ответь?  
Нет уж, думаю, пожди,  
Милости моей не жди.  
Сделал петлю из ремня,  
Взнуздал Мишу, как коня.  
Если, думаю, проснется,  
Пусть за мною вслед плетется,  
Не смогу же разбудить...  
Что ж, придется так тащить.  
Вылез наверх, подтягаю,  
Вижу — Миша зависает.

Третий делаю заход,  
 Не пролазит он в проход.  
 Тут я чуть перестарался,  
 Кожаный ремень порвался.  
 Не идет работа впрок,  
 Будет мне теперь урок.  
 А пошел искать рога —  
 Уж не видно ни фи́га,  
 День ведь короток зимой.  
 Вот и двинул я домой.  
 — Что ж медведь? Так не проснулся?  
 — Вот чудак. Он не очнулся!  
 Кабы я его поднял...  
 То сюда б его пригнал.  
 Эх, подвел меня патрон!  
 А то вишь, один урон:  
 Нет ни ножен, ни ножа,  
 Нет ремня, патронташа.  
 Все лицо себе содрал,  
 Как в берлогу-то упал.  
  
 Тут и свечка догорела.  
 На дворе совсем стемнело.  
 Ночь луною серебрит  
 Ели, кустики раки́т.  
 Звезды жемчугом сияют,  
 С полночи мороз крепчает.  
 На дворе мороз трещит,  
 А в печи огонь горит.  
 На полатах прямо в ряд  
 Сладким сном все трое спят.  
  
 И герою снится сон,  
 Будто он, как Аполлон,  
 Лук на плечи поцепил,  
 Стрелы остро наточил,  
 Снарядился в путь-дорогу  
 То ль в пещеру, то ль в берлогу.





Ото всех ушел украдкой  
Разгадать ее загадку.  
Говорят среди народа,  
Что для женщин нету входа,  
Им в берлоге карантин.  
Вход сугубо для мужчин.  
Он идет через Сахару,  
День идет, идет уж пару...  
Не найдет никак дорогу  
В эту чудо-то берлогу.  
Хочет глянуть на секрет.  
Весь вспотел, аж мочи нет.  
Потом очи заливаает.  
Третий день уже светает...  
Пить охота, жажда гложет,  
И никто здесь не поможет,  
Не подаст никто водицы  
Из холодной из криницы.  
Взор мутнеет, силы тают.  
"Апполон" вдруг замечает  
Чудо-зверя на бархане.  
Тот как будто его манит  
За собою в неизвестность –  
Видно, знает эту местность.  
– Я ведь знаю, что ты ищешь.  
Здесь таких бывали тыщи, –  
Зверь зловеще зашептал,  
Отвернулся, заикал.  
"Аполлон" всему дивится:  
– Что за зверь? – напрасно тщится:  
Где-то видел на картине  
Он такого с Насреддином.  
И пока он вспоминал,  
Зверь взбрыкнул и убежал.  
– Стой! – кричит ему бедняга.  
– Я ж хотел спросить дорогу!  
Хвост задрал зверь, за версту  
Видно его срамоту.

Не стерпел наш друг глумленья,  
Кончилось его терпенье.  
Тетива аж зазвенела,  
И стрела его задела  
Прям то место, что нахал  
Так нескромно показал.  
Тотчас зверь остановился  
И в змею оборотился.  
Посмотрел он ей в глаза:  
Там застывшая слеза.  
Тяжкие пришлись мученья  
На такие превращенья.  
Молвит змейка "Аполлону",  
Голову держа с наклоном:  
— Я твоя раба теперь.  
Что хошь сделаю, поверь  
Для тебя, хозяин мой:  
Хочешь, отведу домой,  
Превращусь в красу-девицу...  
Хочешь, дам попить водицы  
Из холодной из криницы.  
Хочешь, отведу в пещеру...  
Только знай в хотеньях меру:  
Только на одно желанье  
Хватит моего старанья.  
— Отведи меня в пещеру,  
Разболталася не в меру!  
— Завяжи глаза, прохвост,  
И держи меня за хвост.  
Игнорировал девицу, отказался от воды...  
Все вы, мужики, такие, все теперь вам до балды.  
Все пещеру эту ищут,  
Все в песках-то рыщут, рыщут.  
Вот пошел мужской народ,  
Каждый экземпляр — урод!  
— Ну! Везет тебе, селедка,  
Что глаза мои в обмотках.  
Так бы счас стрелу достал...

– Ты ж, храбрец, лук потерял.  
– Доведешь, так нож достану!  
– Нож-то твой давно уж канул.  
Тут и вправду оказалось,  
Что ни лука не осталось,  
Ни ножа, ни колчана...  
Знать, и впрямь права она.

Солнце как зенит достало,  
Топать жарко вовсе стало.  
Пить охота, жажда гложет,  
И змея тут не поможет.  
Не нальет ему водицы  
Из холодной из криницы.  
Исполняет вражье званье  
Лишь одно его желанье.  
Долго вместе они бродят,  
Скоро в грот они заходят...  
– Все! Пришли, снимай повязку!  
– Эко дело! Все, как в сказке!  
Вход в пещеру полыхает,  
Радугой цветов играет.  
Режут светом аж глаза  
Камни цвета бирюза.  
Над дверями свод прекрасный  
Отливает камнем красным.  
– Я теперь с тобой расстанусь.  
Ты пойдешь, а я останусь.  
И змея в клубок свернулась,  
В камень яркий обернулась.

"Аполлон" лишь вот теперь  
Входит в каменную дверь.  
Там, в пещере, грот за гротом,  
То же и за поворотом.  
Ходит "Аполлон", дивится:  
Ни одной нигде девицы  
Не встречается ему,

Скучно стало одному.  
Открывает дверь украдкой,  
Все как будто бы в порядке...  
Только видит — за столом  
Плотненьким таким кружком  
Волки. Видно, что с обеда,  
Светскую ведут беседу,  
В карты меж собой играют,  
Ну, а кто уж проиграет —  
Получает по ушам  
Картами. Окромя дам.  
И тут дамам не почет:  
Карта-дама не в учет.  
Друг наш видит — дальше в ряд  
Полки крепкие стоят.  
А на полках по порядку  
Шкуры да рога лежат.  
Шкуры, рожки не простые,  
Все трофеи золотые.  
Волк (видать, что он старшой)  
Разговор повел такой:  
— Если ты сюда добрался,  
Коли к нам ты достучался,  
Можешь взять себе трофеев,  
Сколько утащить сумеешь.  
Но на выходе, друг наш,  
Все равно ты все отдашь.  
Нет, никто там не неволит:  
Все отдашь по доброй воле.  
— Ну уж, дудки я отдам!  
— Что ж, бери, да по рукам!  
Нагрузился "Аполлон"  
И попер мешок в наклон.  
Третий день уж на исходе,  
А жара не спала вроде,  
Да и ноша нелегка.  
Льется пот, словно река.  
Пить охота, жажда гложет,



И никто тут не поможет.  
Не нальет ему водицы  
Из холодной из криницы.  
Вот и выход уже рядом.  
Развернулся друг наш задом,  
Чтоб под чары не попасть  
И трофеи не покласть.

Вдруг откуда-то с далека,  
То ли сверху, то ли сбоку,  
Молвит кто-то в этом храме  
Бестелесными устами:  
– Выпей пива, дорогой,  
Только уговор такой:  
Как один глоток глотнешь,  
Так один трофей кладешь.  
Пиво свежее притом,  
Пей хоть так, а хоть со льдом.  
Бросил он мешок на пол:  
– Ставь пивко сюда на стол!  
К пиву только прикоснулся –  
В тот же миг герой проснулся.  
Пиво на столе стоит,  
Солнышко в окне блестит.

Где мораль? А нет **МОРАЛИ**.  
Эта сказка **АМОРАЛЬНА**.

*Февраль, 1998 год.*



# СЛОВО НЕ ВОРОБЕЙ...

(новогодняя сказка для взрослых)

Раз, два, три, четыре, пять,  
Вышел Заяц погулять.  
Вдруг зайчиха выбегает,  
Зайца старого ругает:  
— Ах, ты старый бес косой!  
Ты чего не идешь домой?  
Дома ждут тебя внучата —  
Косоглазые зайчата,  
Ждет кума и кум сердешный,  
Дальний родственник нездешний,  
Друг о трех ногах заждался,  
Думал, ты в капкан попался.  
Все тебя уж заждались,  
Друг и кум уж нажрались.  
Так что, старый шалопай,  
Знай за бабкой поспевай!  
Ты, смотрю, вина нажрался,  
Весь до нитки изгулялся!  
То к лисе заприставал,  
То ежиху зажимал.  
Даже старую волчиху...!  
Эхо вторит — "Лихо! Лихо!"  
— А зайчих-то, а зайчих...  
Эхо вторит — "Чих! Чих! Чих!"  
На весь лес она кричит,  
Только эхо ей вторит.  
Весь лесной народ проснулся,  
Каждый сладко потянулся.  
Смотрят звери, удивляются,  
Кто смеется, кто стесняется.  
Белки не грызут орехи,  
Мыши убежали к лешим.  
Даже Михаил проснулся,  
Шепоточком матюгнулся,

Аж качнулася луна  
(Вот что значит с бодуна).  
У беззубого Волка  
Аппетит пропал пока,  
Еж открытым ртом сопит,

А Сорока-белобока  
С диктофончиком сидит.  
Ей ведь не безынтересно,  
Ей все очень интересно:  
Кто куда и что почем,  
Что сейчас и что потом.

Заяц бедный хвост поджал,  
За старухой побежал.  
Вместе по лесу петляя,  
К дому вскоре приближаясь,  
Видят вдалеке они  
В окнах блеклые огни.  
В избе заячий народ  
Водит шумный хоровод.  
Хоть и нет хозяев дома —  
Отмечают Новый год.  
В центре елка уж не та,  
И от каждого гостя  
Хвоей пахнет изо рта.  
Все смеются и поют  
И хозяев в круг зовут.  
Тут и старая Зайчиха,  
Хоть не громко, но не тихо  
Тянет всем знакомую песню,  
В пляс пустилась — хоть ты тресни.  
И уже давно забыла,  
Как Зайца своего бранила,  
Как орала на весь лес.  
В ней сидит другой уж бес.  
Только Зайцу не до смеха.  
И какая тут потеха,

Если все в округе знают,  
Что и пьет он, и гуляет...  
Сам уж начал сомневаться:  
Стало все ему казаться,  
Будто как-то под хмельком  
Он лису ласкал тайком,  
Будто волчичья жена  
Страстью к Зайцу зажжена.  
— А к зайчихам нет вины —  
Я их вижу со спины...  
Уши длинные у всех,  
Перепутать-то не грех.  
Одного не мог понять:  
Как Ежиху мог обнять?  
Чуть подвинулся неловко —  
Схлопотал татуировку.  
Заяц тут затосковал,  
Сам с собой допил бокал.

Утро выдалось на диво:  
Солнышко встает. Красиво.  
Снег на солнышке искрится,  
Звери радуются, птицы...  
И на этом славном фоне  
Пять орут магнитофонов.  
То Сорока завелась.  
Еле утра дождалась.  
На болота, лес и лог  
Крутит громко монолог,  
Что зайчиха причитала,  
Когда ночью Зайца гнала.

Тишина взорвалась к лешим,  
И пошел сыр-бор по лесу.  
Волку в собственных волчатах  
Все мерещатся Зайчата.  
И сверкают что есть мочи  
На Волчиху злые очи:

– Ты смотри, какие уши...!  
– Это у них с голодухи.  
Ты, как давеча запил,  
Про детей-то позабыл!  
Еж в избушку забежал,  
На Ежиху заорал:  
– Ах, ты с Зайцем шуры-муры!  
Ты ответишь мне, в натуре!  
Замахнулся. Да что толку –  
Напоролся на иголки.  
Даже Миша стиснул зубы.  
Вспомнил, как надула губы  
Медведица – мать детей:  
"Нешто Заяц был у ей?"  
Словом, что ни говори,  
Быть разборкам до зари.  
В каждом доме тут и там –  
Гвалт, скандалы, шум и гам.  
И отдельные скандалы  
Докатились до Урала,  
По России понеслось,  
До столицы донеслось.  
И, конечно, в этот год  
Много меньше был приплод.

Вскоре лес гудит молвою,  
Будто Заяц наш косой –  
Аморальный парень-бой.  
От зарницы до рассвета  
Пропадает часто где-то.  
Будто он в саду, в капусте  
Мимо юбку не пропустит...  
И как будто все зайчата,  
Косоглазые ребята,  
В темном Лесе за Горою,  
И в Урмане за Рекою,  
Даже в дальних Болотах  
За деревней Ватою

Слышит в небе где-то вой.  
То Ворона в лес летит,  
С высоты она кричит:  
– Тут, папаша, как ни странно,  
Ваше имя телеграмма.  
С телеграммы стало ясно:  
Вызывает папу классный.  
В школу Заяц наш пошел,  
В нужный класс ин-яз зашел.  
Смотрит, глаз прищуря косо:  
– Неужели все мои?  
Всех теперь корми, пои...  
Вслух подумал: "Je ne ra".  
А в ответ: "Рара, рара!"  
Глянул: все, как близнецы –  
Уши длинные, резцы...  
Правый глаз косит у всех,  
Как у Зайца, как на грех.  
Заяц раньше сомневался,  
А теперь понял - попался.  
Хватит память напрягать,  
Нужно детям помогать.

И у Зайца с этих пор  
Об одном лишь разговор:  
Что зайчатам лучше кушать,  
Что нельзя зайчатам слушать,  
От чего сопливый нос,  
От чего у них понос,  
Что у зайчиков в урмане

Мама любит мани-мани,  
За горою у детей  
На сегодня все о'кей,  
А у тех, что за болотом  
Первый день идет охота.  
Надо бы им показать,  
След как путать, как петлять,  
Чтоб собаки не поймали,  
Чтоб скололись и отстали.

Дома Заяц не сидит,  
Все помочь всем норовит.  
То он в школу всех проводит,  
То в детсадик он заходит.  
Детки его узнают,  
То попляшут, то споют,  
То расскажут стихотворенье,  
То измажутся вареньем.  
Он и носик им утрет,  
Колыбельную споет,  
Спать уложит и согреет,  
А когда совсем стемнеет,  
Он быстрее домой бежит.  
Там жена одна сидит.

Главное, теперь Зайчиха  
Сидит дома тихо-тихо.  
А куда она пойдет?  
Все Сорока ей поет,  
Что косою, такой нахал,  
Снова к Белке приставал,  
Что сказала ей Ворона,  
Дескать, Заяц от закона  
Так крути верти хоть так —  
Не отвертится никак.  
Что в законе, дескать, есть  
Та статья, что можно сесть.  
И на каждой на поляне

Ей, Зайчихе-несмеяне,  
Все со всех концов кричат  
Про Лисят и про Зайчат.  
Каждый тонко намекает,  
Что уж он-то точно знает,  
Заяц с кем теперь гуляет  
И к кому душа лежит,  
Выпивает с кем и спит.  
— Ах, какой семье позор!  
И случилось все с тех пор,  
Как я Зайца материла,  
А Сорока подхватила  
И на все леса и бор  
Расквохтала разговор, —  
Так подумала старуха,  
Теребя себя за ухо.  
Видит: Заяц пробежал,  
Видно, в Вартовск забежал;  
Там сейчас в кожвен-больнице  
Лечится его сестрица.  
— Бедный Заяц весь иссох.  
Хоть бы, бедненький, не сдох.  
Жалко: ведь таких, как он,  
Не найдешь за миллион.  
Так за часом день идет,  
А за годом идет год.



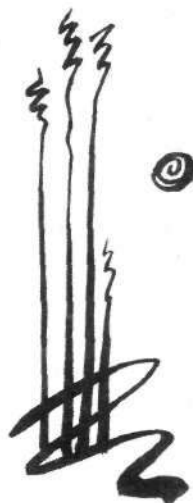


### III

Раз, два, три, четыре, пять,  
Вышел Заяц погулять.  
Ветром Заиньку качает,  
В разны стороны мотает,  
А с небесной вышины  
Злые голоса слышны:  
— Вот он, пьяница, повеса!  
Видишь, уши как развесил!

Думает, никто не знает,  
Отчего его мотает.  
То он гоголем ходил,  
А теперь — ишь, загрустил.  
Ишь, нашелся Дон-Жуан!  
Еле жив. А может, пьян?  
Заяц лапкой отмахнулся,  
Вдвое, бедненький, согнулся,  
Закружилось в голове —  
И лежит уж на траве.  
У Вороны сыр свалился,  
У Сороки клюв открылся:  
— Это новость, но потом  
Что писать, скажи? О ком?  
Но Ворона встрепенулась,  
К телеграфу вмиг метнулась.  
Вскоре доктор Айболит  
В вертолете к ним летит.  
С ним летят и ассистенты,  
И безусые студенты:  
Волка сын и Белки дочка,  
Также Зайца два сыночка  
(Заяц их с последних сил  
На врача учить решил).  
Растолкав зевак-зверей,  
Доктор — к Зайцу поскорей.  
На носилки положил,

Кардиограф подключил:  
Пишет аппарат – инфаркт.  
Что поделать – это факт.  
Доктор глянул: "Ой! Ой! Ой!  
Уж не первый, а второй".  
Смотрит доктор Айболит –  
Заяц весь седой лежит.



#### IV

Раз, два, три, четыре, пять,  
Вышел Заяц погулять,  
По больничному двору  
Рано-рано поутру.  
Вдруг сестричка выбегает,  
Зайца нежно так ругает:  
– Нужно прежде, чем гулять,  
Процедуры принимать.  
Заяц тут же повернулся  
И сестричке улыбнулся...  
Процедурная сестричка  
Кареглазая Лисичка  
Засмушалась, молвит тихо:  
– Я согласна, но Зайчиха...  
Заяц правый глаз закрыл,

Лапку к сердцу приложил,  
И в ногах не стало сил...  
И в глазах вдруг потемнело,  
И в ушах вдруг зашумело,  
Сердце как огнем горит.

Рядом стерва-белобока  
С диктофончиком сидит.  
Ей ведь небезынтересно,  
Ей все очень интересно:  
Кто куда и что почем,  
Что сейчас и что потом.  
Все горластая слышала,  
Все как надо записала.

И теперь по всей больнице  
Слух пошел, что-де Лисица  
То ль вчера, то ль в воскресенье  
Получила предложенье  
От поклонника седого,  
Старика, не молодого.  
Он недавно лег в больницу,  
Он в палате номер тридцать.  
Тут в газете репортаж.  
Вкруг статьи ажиотаж.  
И попала та страница  
На глаза в лесу Лисице.  
Рыжей голову вскружило,  
Будто ветром ее сдуло.  
Мчится, словно на аврал,  
Зайцу учинять скандал.  
Там уж звери собрались,  
Многие разобрались:  
Поняли, что это ложь,  
И кричат: "Зайца не трожь!"  
Поняли, что все Сорока,  
Эта стерва белобока,  
Заварила кашу тут:

— Как поймаем — ей капут.  
И столпилось сто зверей  
У больничных у дверей.  
А студент — дежурный Заяц  
Всю толпу не пропускает.  
Хоть и смотрит чуть-чуть косо,  
Отвечает на вопросы:  
— Да, Сорока здесь лечилась,  
Говорила — простудилась.  
Десять дней она лежала,  
Каркнула и убежала.  
Ну, а Заяц тут, в больнице,  
Он в палате номер тридцать.



## V

Раз, два, три, четыре, пять,  
Зайца вынесли гулять.  
Звери все его несут  
И Зайчиха тут как тут.  
Зайца радостно качают,  
Выше сосен подкидают.  
Заяц даже прослезился,  
После стольких бед забылся,  
И теперь его гурьбой  
Принесли к нему домой.  
Собрался лесной народ.

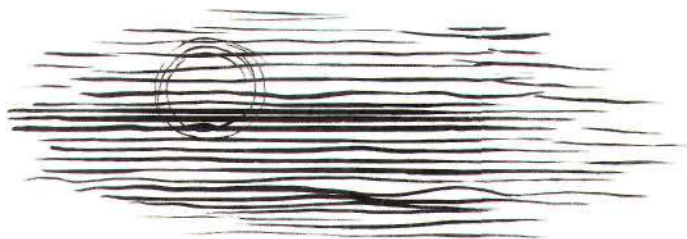
Снова праздник Новый год:  
Елочка в огнях горит,  
Радостно толпа гудит.  
А гостей было — не счесть!  
Каждый ведь считал за честь  
Быть сегодня здесь с народом,  
Закружиться хороводом.  
Каждый хочет засветиться,  
Перед Зайцем извиниться,  
Каждый гость событию рад.  
Учинили маскарад —  
Уговор у всех такой:  
Что без маски ни ногой.  
Заяц глянул тут на всех —  
И поднялся дружный смех.  
Звери, может, не хотели —  
Маски Зайца все надели.  
И на всех лесных гостей —  
Тыща заячьих ушей.  
Что тут скажешь — молодцы,  
Разношерстные зайцы!

А под маскою одной  
Топчется одной ногой  
То ли зверь, а то ли птица.  
Тут подходит к ней Лисица...  
Поднимает тихо маску —  
Там Сорока строит глазки.  
Как поднялся тут галдеж...  
Заяц крикнул: "Чур! Не трожь!  
Пусть она уходит с богом.  
Скатертью тебе дорога!"  
Птица на колени пала:  
— Извините, я не знала...  
Тут Лисица закричала:  
— Ах ты, стерва, всех достала!  
Ишь, нашлась четверта власть!  
Ей бы посудачить власть!

– Извините, птицы, звери,  
Не толкайте меня в двери.  
Жизнь меня уж наказала:  
Я работу потеряла,  
Потеряла я друзей  
Среди птиц и среди зверей.  
И не знаю, как мне быть,  
Как на свете дальше жить.  
Заяц, милый, извини,  
С дому меня не гони.  
Звери все заголосили...  
И Сороку все простили.  
Ведь не портить же настрой  
Из-за этой вот рябой.  
Тут же про нее забыли,  
Вокруг елки закружили.  
Пушки палят прямо вверх,  
Учиняют фейерверк.  
Зори падают с небес,  
Озаряя зимний лес.  
Продолжают звери пир  
На весь лес и на весь мир.  
Кто хотел, тот угощался,  
Кто-то в дураках остался.

Теперь и для Зайчих мораль  
(Мне их всегда немножко жаль):  
– На каждый гвалт, скандал и склоку  
Всегда найдется по Сороке.

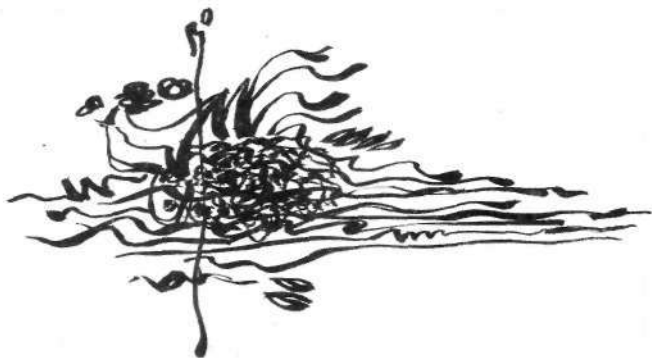
*Декабрь, 1996 год.*



# **КОРОЧЕ ГОВОРЯ**

/Зарисовки  
из нашей с вами  
жизни/

## НА ВИРАЖЕ



Жизнь наша похожа на поезд, закладывающий опасный вираж. Мчимся сквозь время, мчимся, как локомотив, и все происходит, как в обычном поезде: рыжий машинист у руля – жди схода поезда с рельсов; толстый кот с черным фейсом перебежал дорогу слева направо – к экономическим затруднениям – задержат зарплату, справа налево – к выпивке – зарплату дадут водкой. Выпьют машинист с инструктором, заедут не на ту стрелку, а выгонят с работы стрелочника: за котами, дескать, смотреть надо! Чтобы не перебежали дорогу. Инструктор одряхлел, кот нашкодил – кучерявые да маловозрастные машинисты начинают лихачить, крутить баранку то влево, то вправо. Так, неровен час, можно проскочить запрещающий сигнал... А там и пойдут отцеплять вагоны от проштрафившегося поезда и прятать по запасным путям-тупикам. А что вагоны без локомотива? – это же, что президент без пресс-секретаря. Сидят по вагонам проводники, даже пискнуть боятся: а вдруг отцепят, да в тупик!

В этом поезде все, как в жизни: проболтал мордастый машинист, а помощник развесил уши, не дал сигнал на перекрестке реформ и все: катастрофа! Пропали вклады! А те, кто знал о приближающемся перекрестке, сидят теперь на золотых унитазах и выдувают новый гимн новой страны.

Странные проводники в первом вагоне носят водку в коробках изпод ксерокса, а на пассажиров орут благим матом: "Распивать спиртные напитки в поезде запрещено! Особливо, если не у нас куплено. У нас экологически чистый продукт. И акцизная марка имеется... нашего вагона. Наш-то начальник знает, что делает – система ниппель: в любой вагон по предоплате, а к нам ни капли. Он у нас хозяйственный и скромный. Вот содрал кожу со всех вагонов, обшили мы кожей в десять слоев первый вагон: практично! Сносу нет! А себе взял всего-то



на кепочку”.

Инструкции и циркуляры для пассажиров старые, потому нет среди них мира и взаимопонимания. На нижних полках сидят в сюртуках и туфлях из крокодиловой кожи "новые русские". Правда, русского у них только разве что... даже не речь, а только связки между словами. На верхних полках студенты, бабки с дедками сидят с туго затянутыми поясами. Проели свою – кто пенсию, кто стипендию, и смотрят вниз голодными глазами. Неловко стало "новым", и закрыли их от "старых" зонтами мальчишки в спортивных тапочках. Только торчат задранные высоко над зонтами длинные и прямые, как импортные карандаши, податливые отечественные женские ноги. Кстати, об инструкциях: они существуют в несуществующих рукописях, написанных на существующие доллары условно существующими авторами. Условно потому, что пожурили условных авторов за это чисто условно.

Вместо билетов выдали пассажирам фиговые листочки, названные с легкой руки пишущей братии иноземным словом "вычучер". Дает такой листочек право на вход в вагон, но не гарантирует проезда в конечный пункт, потому что по ходу поезда листочек быстро линяет и теряет этим самым свою привлекательность для проводников. А пассажиры и вовсе не знают, что делать с этими "вычучерами", которые на глазах превращаются в промокашку. Вот и придельывают бабушки к ним крылышки, а дедушки применяют никчемную бумажку и вовсе без оных.

Мчится поезд... Мчится с бешеной скоростью. Мелькают за окнами разные ландшафты да пейзажи, но никто толком рассмотреть не может местность, по которой летит этот шальной состав. "Где мы? – спрашивают друг у друга пассажиры, – Куда мчимся?". "Не бои-и-и-сь! – с гигиканьем отвечают проводники, – Наш машинист знат, куда едет!". Может, и действительно не обязательно знать пассажирам, куда их везут? Задумались они. И сделалась в поезде гробовая тишина. Только ветер свистит за окнами, да слышен нескладный стук колес...

Чудной поезд. Но после крутого виража, за поворотом, может, ждет пассажиров прямая дорога? Может, на подходе поезд к той узловой станции, где неминуема смена бригады? Может, и выбрать смогут пассажиры себе и инструктора, и машиниста. Конечно, если будет возможность посмотреть всем претендентам в глаза и спросить: "А ездить ты умеешь? Не дрова, чай, везти!"

*Январь, 1998 год.*

## УРИНОТЕРАПИЯ



Встретил я как-то своего коллегу Николая. Вместе институт заканчивали. На тачке крутой расписывает. Ну, разговорились мы с ним, и тут он меня спрашивает:

– Слушай, ты вот хирург, а скажи: как ты к уринотерапии относишься?

– Не понял! – говорю. Я и действительно не понял, почему он меня об этом спрашивает.

– Ну, - начал он, – это когда из своего "сосуда" пить "свою чудесную влагу" с целью своего исцеления.

– Во даёт! – Смотрю на него, думаю, шутит. Ан нет, глазки аж блестят. Взяло меня возмущение:

– Видишь ли, если бы с сосуда по соседству ещё и закусывать, то, пожалуй, метод уринотерапии можно бы и признать.

Как он обиделся! Как он обиделся! Я же не знал, что он работает уринотерапевтом и сам тоже попивает... эту самую "чудесную влагу". Ну прямо уроголик какой-то. И давай он мне рассказывать про этот чудо-метод. Что и мыться этой самой влагой можно, и если примочки к ране прикладывать, то рана заживет и рубцов не остаётся даже после самых увечных ран. Не надо к Кашпировскому обращаться, деньги тратить. И компрессы на голову делать очень полезно, и геморрой лечить тоже очень удобно. Насчет "удобно геморрой лечить" не спорю, и то, что метод недорогой, тоже согласен. Хотя, судя по "Мерседесу" моего коллеги, его советы стоят недёшево.

– Как же, – говорю, – тебя, Коля, угораздило?

– Меня одна бабка научила. А у нас в поликлинике ставку уринотерапевта ввели, вот и работаю. Да и рецепты выписывать проще. Ты же знаешь, у меня всегда с латынью нелады были.

– Как же тебе твоей чудесной влаги хватает: и душ принять, и компрессы, еще и попить надо? На тебя, поди, вся семья работает?

– Не скрою, – говорит, – бывает, дети выручают. Хорошо, что у меня их четверо. Им потеха, а мне польза.

Представил я себе, как мальчишки (в этом Коле, несомненно, повезло) направляют свои детские "сосудики" на папеньку, а тот купается в "чудесной влаге", заплетая четыре тугие струйки в хитросплетения своей уринотерапии.

Слышится веселый, задорный детский смех и самодовольное мурлыканье пациента. Мне даже почудился запах этой самой влаги. Стало не по себе. Пора, думаю, сменить тему.

– Ну, а как твоя теща поживает? – спрашиваю.

– Ничего, вроде, шустрая старушка. Правда, давление ее замучило, научил я ее компрессы с "чудесной влагой" делать. Помогает. У них в деревне все теперь так лечатся. Лекарств-то нету. Денег тоже. Пишет, что туалет у клуба снесли за ненадобностью. Мужик там экологически чистый, вот и думаем мы наладить в деревне производство капсул "Урина-митте" и "Урина-форте" на местном сырье.

И о чем бы я с ним ни заговорил, все он на свою "влагу" сваливается. Глаза так и блестят. Мочи, что ли, в них закапал?

– Ну, а твой старинный хрустальный кубок, – желая перевести разговор в плоскость искусства, говорю, – еще живой? Ему ведь лет сто, не меньше...

– А что ему делается? Я из него "чудесную влагу" пью. Надо же, чтобы красиво было. В этом вся прелесть метода. "Чудесная влага" – она хрустала требует.

Ну, любитель прекрасного! Продолжать разговор у меня просто не было никакого желания. Я представляю, что мне пришлось бы выслушать, спроси я его о жене с ее ангинами да мигренями... Мама его страдала хроническим отитом. Бедненькая, у нее в полном смысле эта "чудесная влага" уже из ушей полезла, наверное. Уринотерапевт в семье – это же какое-то стихийное бедствие.

После расставания с Колей я уж точно знал, что ему подарю на Новый год. Он у него совпадает с днем рождения. Но на всякий случай спросил:

– Коля, а что ты больше любишь: молоко или мороженое?

– Мороженое, – быстро ответил Коля, – только, понимаешь, после мороженого необходимо горло прополоскать "чудесной влагой"... для

профилактики ангины.

Прошло два месяца, наступил Новый год. Вырубил я за вокзалом сталагмит. Красивый такой, разноцветный, играет на скупом зимнем солнце всеми цветами радуги. Хорошо, думаю, что в вокзале туалет закрыли. Упаковал я этот сталагмит в полиэтиленовый мешок и двинул к Коле пешком через весь город. Не полезешь же с таким грузом в автобус. За такую "чудесную влагу", если она закапает, можно и схлопотать.

Прихожу к Коле, поздравил его. Вручаю ему сталагмит и говорю:

– Лизни.

Он лизнул.

– Фу-у! – говорит, – моча!

– Не моча, – говорю, – а "чудесная влага"... свежемороженая.

– Нет, – говорит Коля, – моча!

Взял и выбросил мой подарок с балкона.

– Чудак ты, Вася, – говорит он мне, – время-то сколь после нашей встречи прошло? Я ведь серьезно подумал над твоим предложением насчет "сосуда по соседству" и теперь занимаюсь лечением фекалиями. Фекатерация называется. У нас в поликлинике и ставку ввели.

– Неужто дерьмом лечить можно?

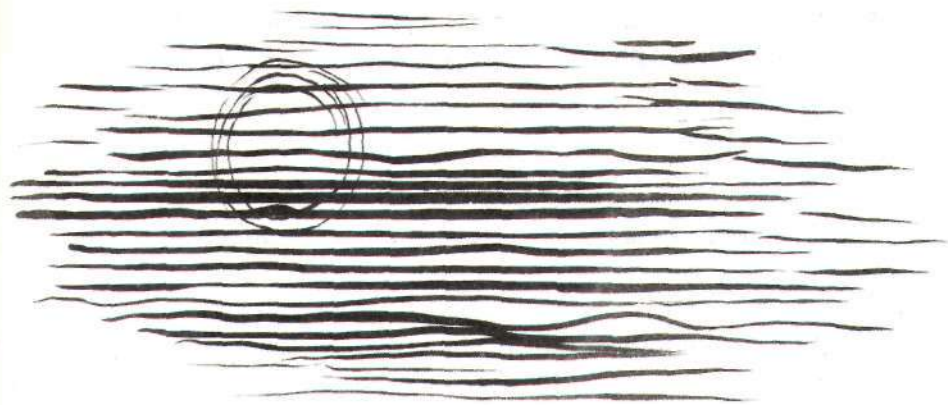
– Не дерьмом, а "чудесной мазью". – И у тещи в деревне теперь все новым методом лечатся. Мы решили на ихнем сырье капсулы выпускать: Фека-форте и Фека-митте. Мужик, знаешь, у них экологически чистый. Так-то, Вася, наука не стоит на месте.

А я уж теперь-то точно знаю, что подарю Коле на следующий день рождения...

1997 год.



## НЬЮТОН БЫЛ НЕПРАВ!



- Доктор, если бы я не заболел, глаза бы мои вас не видели!
- Какое совпадение! Я бы вас тоже не увидел, если бы вы не зашли ко мне. Садитесь.
- А вы что, судья?
- Нет, успокойтесь.
- Я спокоен. А стул не электрический?
- Вы какой-то странный больной.
- А вы, наверное, врач?
- Да! Я врач-психиатр. Что вас беспокоит?
- Соседняя стройка.
- Извините, меня интересует, на что вы жалуетесь.
- На земное притяжение. Мне кажется, Ньютон был неправ.
- Почему?
- Если бы на вас кирпич упал, вы бы не спрашивали.
- О-о-о, голубчик! Вам тогда к травматологу (с чувством облегчения).
- Нет. Мне посоветовали к вам.
- Кто?
- Мне все советуют. И уже давно...
- И с чем же вы ко мне пришли?
- С мыслями.
- Так, так, так, это уже интересно... Может, вы мне расскажете, с какими мыслями вы пришли? Я буду задавать вопросы, а вы отвечать.
- А вы что, следовательно?

- Я психиатр. У меня прием, я вас принимаю...
- Так я что, стеклотара?
- Все, все, все! У меня уже с вами нервы кончаются!
- У вас так мало нервов? Могу ли я вам чем-нибудь помочь?
- Чем?!
- Нервами.
- Ну, все! Хватит!
- У вас, что – перебор? Вы что, боитесь перебора?
- Нет, я боюсь, что могу вас ударить. Вы вывели меня из себя.
- Откуда я вас вывел?
- Вы вывели меня из терпения!
- Теперь я окончательно запутался. Откуда я вас вывел? Из себя или из терпения?
- Скажите, зачем вы ко мне пришли? Что вам от меня нужно?
- Это мне нужно? Это вам все время от меня что-нибудь нужно: то сядьте, то расскажите, то вы меня приняли за стеклотару. Вы даже хотели меня избить!
- Да-а-а! Ньютон был неправ!



## ЭКЗАМЕН

Сначала необходимо познакомить вас со специфической терминологией путейцев, тружеников железной дороги.

Итак: лапа – это большой "гвоздодер" для вытаскивания костылей, костыль – большой гвоздь, которым крепятся рельсы к шпалам, рельса состоит из головки, юбки и подошвы, подкладки кладут между рельсой и шпалой, дефектоскоп – железнодорожный прибор, работающий на спирту.

Если не знаешь этой терминологии, то, слушая разговор на экзамене, подумаешь, что крыша поехала.

Экзаменатор:

– Расскажи-ка мне, что такое лапа и зачем она путейцу?

– Лапа... Ну-у, без лапы, конечно, никуда. Лапа – она всем нужна, особенно путейцу. Труд у нас тяжелый. Так что нам без лапы тоже не обойтись.

– Конкретней, конкретней!

– Ну, вы же сами знаете, что ежели лапы нет, то и никуда не сунешься. Что ты, к примеру, без лапы, или кто другой? И у Василь Василича своя лапа, и у нас, к примеру, своя. Каждый должен лапу иметь. Лапа есть – и на ногах тверже стоишь. Лапа есть лапа...

– Ты скажи, путейцу зачем лапа? И конкретней!

– Видишь, если у путейца нет лапы, то дело его совсем худо.

– Вот, вот. Почему?

– Ну, если нет лапы, тогда лопату в руки и стрелки чистить. С Василь Василичем шутки плохи. Он не любит, когда без лапы.

– Даю наводящий вопрос: костыль. Что ты можешь рассказать про лапу и костыль? Когда лапы нет, костыли что?

– Да кому такой путеец нужен – без лапы и на костылях? Ведомо, что лапы нет, и костыли не помогут.

– Ну, ладно. Поговорим о технике безопасности. Ты путейским молотком умеешь работать?

– Знамо дело.

– Ну, так скажи, когда забиваешь костыль, по головке чего нельзя бить?

– Не чего, а почему?

– Ну, почему?

– Больно будет.

– Знания твои о рельсе понятны. Теперь вот мне скажи: а ты предохраняешься на работе от разных там неблагоприятных факторов?

– Знамо дело. Сейчас столько об этом пишут. Я и дома предохраняюсь.

– Я имею в виду – от наездов.

– Чудак ты человек. Кто же на нас наедет?! Мы же путейцы. У нас же у каждого лапа...

– Может, ты мне расскажешь, зачем прокладки нужны?

– Ты что, телевизор не смотришь?

– Смотрю! Ладно, спрошу-ка я тебя по дефектоскопии. Из чего состоит дефектоскоп?

– Со спирта.

– Еще.

– Дефектоскописта.

– Ну, так. А еще? Дефектоскопист что делает?

– Спирт пьет.

– Ну, понятно, все они пьют спирт, но сначала, до того, что он делает?

– Я дак завсегда, пока не выпью, ничего не делаю. Сначала уравновесить себя нужно. Работа у нас ответственная. С дрожащими руками приступать к работе никак нельзя. Техника безопасности! Сам знаешь.

– Ну, ладно, выпил, будь ты неладен. Но потом что обязан сделать дефектоскопист?

– А, вспомнил! Закусить!

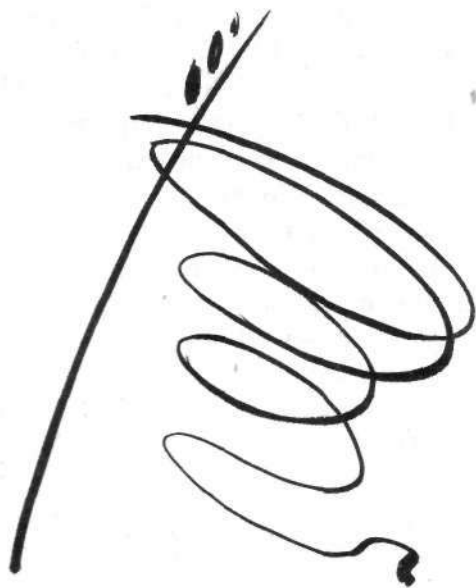
– Что ж, понятия есть. Удовлетворительно. Следующий.

1998 год.





# ОПТИМИСТ И ПЕССИМИСТ



Как известно, круто сваренные оптимисты и пессимисты существенно влияют на нашу с вами и окружающую нас жизнь. Оптимисты мешают нам жить своим неумным оптимизмом и чрезмерной жизнерадостностью, потому что рядом с ними мы чувствуем себя несчастными жалкими козявками. И фейерверки наших побед и удач просто меркнут рядом с самой незначительной искоркой в жизни отъявленного оптимиста, раздуваемой им в зарево бушующего пламени прямо на наших глазах. И при этом приходится вынужденно улыбаться, делать елеинно-веселое лицо, чертыхаясь в душе.

Безнадежные пессимисты же, наоборот, своим внешним видом, поведением, жестами, выражением лица и тихим, бесцветным голосом дают нам шанс понять нашу значимость и удачливость. Рядом с ними самый несчастный человек вдруг понимает: бывает хуже. И вот уже трудно удерживать маску сострадания при почти ликующей душе.

Одним словом, если вы хотите себе испортить настроение, поговорите с отъявленным оптимистом, но если у вас кошки скребут на душе, давит тоска – ищите общения с безнадежным пессимистом.

Но нет интереснее занятия, чем понаблюдать и послушать беседу этих двух противоположно нацеленных на жизнь субъектов. И такая возможность нам неожиданно предоставляется.

Еще со школьной скамьи дружили два товарища – оптимист Митяй

и пессимист Соломон. Никто не мог понять, что общего находили в своей дружбе краснощекий и громогласный Митяй и бледный очкарик, припадающий на букву "Р", Соломон.

Судьбе было угодно встретиться им лет через десять после того, как они вылетели из родительского гнезда.

– Здорово, Соломон! – кричал Митяй, – Сколько зим! Как живешь-можешь? – он крепко, до боли в суставах, обнимал Соломона, одетого в приличный костюм. В руках Соломона от напора оптимизма открылся японский зонтик.

– Здагвстуй, Дмитгий! – еле выдавил из сжатой мощными лапами Митяя груди. – Вот приехал в отпуск, – полушепотом начал Соломон. – Годители уже стагенькие, болеют, – добавил кисло.

– Ты о жизни, о жизни своей расскажи!

– Что тут гасказывать. Закончил институт, а хотел унивегситет, но не получилось, женился, двое детей: мальчик и девочка. Хотел-то двух девочек, но вот не повезло. Живу в Ленингаде, а хотел в Москве... Кваттигу и то получил только тгехкомнатную, а гтетеновал на четыгех, ну и этаж не ггавится. Все у меня, как видишь, напегекосяк, – совсем потерянным, дрожащим голосом закончил Соломон.

– А ты как поживаешь? – робко спросил Соломон, несмело разглядывая дюжего молодца в простой клетчатой рубахе и белых кроссовках на босую ногу.

– Все нормалек, мудрец. Вот приехал – на могилках предков памятник поставил: классный, из черного мрамора, чтоб как у людей! Работаю вальщиком леса в Коми: красота, природа, воздух, аж дух захватывает, – бодро и даже весело распинался Митяй. – Живу в общегае: балдеж! Телок хоть пруд пруди – утром веером разбегаются, аж мор-р-роз по коже!

Сидели в местном ресторанчике. Митяй пил дешевую, отдающую ацетонном водку.

– Хар-р-раша, стерва! Аж сладкая, – рокотал он. – А я ее...! – и Митяй потянул враз двумя руками невидимые рычаги трелевщика, – аж мор-р-роз по коже!

Соломон заказал себе сто граммов дорогого коньяка и тянул его уже битых три часа.

– Клопами, стервец, отдает, – разошелся разморенный коньяком "мудрец", и даже буква "р" нашлась, что указывало: "клиент созрел".

Прошло еще лет десять.

– Соломон! Какая встреча! Если бы не лысина, я бы сказал, что ты совсем не изменился! – Митяй поднял своего друга и закружил, потом поставил его на землю и схватился за поясницу, захромал.

– Ну, рассказывай! – не унимался розовощекий Митяй.

– Что тут рассказывать, – Соломон поправил золотую заколку на галстук, одернул безупречно сидящий на нем костюм, – живу там же, в Питере. С тудом получил пятикомнатную квагтигу. Так ты пгедставляешь: две комнаты выходят на сеveg, и мой кабинет тоже. Вот не повезло. Одно дите, стагшее, котогое дочь, замужем, годила мне внука, а я хотел внучку. Мне все вгемя не везет. Сын заканчивает школу, так имеет по физкультуге чегыге с минусом, и тепегь только сегобгяная медаль, – уже совсем потухшим голосом закончил Соломон.

– А я ведь теперь на БАМе тружусь! Железную дорогу строю. Шпалой меня маленько шандарахнуло в прошлом годе, да ничего: оклемался, – бойко начал Митяй, – у меня теперь в общаге отдельная комната. Похаживает там одна "путеечка": иногда поглажу, обниму, аж мороз по коже!

Митяй еще что-то весело рассказывал, хохотал во все горло, а Соломон весь сник и про себя подумал: "Ну почему у меня все так плохо, а ведь живут же люди."

Прошло еще несколько лет. Ехал как-то Соломон с сыном по Москве и случайно заметил знакомую кучерявую голову, склоненную над бокалом пива в дешевом кафе.

– Остановись!

Он вышел из шикарного "Мерседеса".

– Здгавствуй, Митяй! Давно не виделись.

Митяй с трудом встал из-за стола и, опираясь на трость, рванул навстречу другу.

– Здорово, мудрец! Как поживаешь?

Потом посмотрел на роскошный автомобиль, на выхоленное лицо Соломона, на рядом стоящую даму, на минуту замялся и тут же бодрым голосом, как всегда затараторил:

– Меня вот в Москву на лечение направили! Представляешь, в лучшую клинику, вот повезло! Я же квартиру однокомнатную получил, как инвалид второй группы. Представляешь: нужник в хате! Я теперь молочка попью, огурчиком соленным закушу и в "клозет", аж мороз по коже...!

*Август, 1998 год.*

## ИНТЕРВЬЮ

**Журналист:**

– Сейчас Вы услышите эксклюзивное интервью с интересными людьми: известным экономистом, великим реформатором нашего времени и известным политиком, парламентарием, председателем партии верхне-левой направленности с правым уклоном центристско-прямолинейного толка.

Итак, вопрос экономисту:

– Скажите, как Вы относитесь к секвестру бюджета?

**Экономист:**

– Секвестр бюджета, несмотря на плюрализм и антагонизм между фракциями, не нашел альтернативного протектирования, и мы его интерпретируем, как патологическую неизбежность, к которой необходимо адаптироваться.

**Журналист:**

– Как Вы, господин депутат, можете прокомментировать сказанное?

**Депутат:**

– На каком-то птичьем языке говорит. Это у него с детства, от бабушки, наверное. Но я с ним согласен: хоть и была драка в Думе, бюджету сделали обрезание, и это наша головная боль, но к ней нужно привыкнуть. Однозначно!

**Журналист:**

– У меня вопрос к уважаемому экономисту-реформатору. Что Вы можете рассказать о наших фермерах?

**Экономист:**

– Видите ли, в результате антропогенного фактора и небесной корреляции на землю всходит гидрогенная субстанция в виде оксидных осадков. Эрозивность почв, слабая инфраструктура на селе и ментальность деревенского электората не дают возможности фермеру решить свою гастрономическую проблему, не говоря уже о проблеме глобального характера.

**Депутат:**

– Во дает! Его же не комментировать, а переводить надо. Перевожу: конечно, насрали везде. Кислотные дожди, негодные почвы, на селе бардак... Короче – фермеры и себя прокормить не могут, ну и пьют к тому же. От себя скажу: если бы его дед не отбирал у крестьян землю и соху, мы бы дорогу, или, как говорят в Сибири, зимник выложили колбасой от Ледовитого до Индийского океана. Жуй себе колбаску, полощи себе ноги. Ух, так и врезал бы..!

**Журналист:**

– Что Вы можете сказать об экономике России в целом?

**Экономист:**

– Видите ли, России необходимо интегрироваться в мировую финансовую олигархию с целью стабилизации и стагнации нашей дефективной экономики. Игнорирование этого процесса может обернуться большими катаклизмами и эксцессами в наших корпоративных кругах и между коррумпированными группировками, что в конечном счете скажется на демографических показателях популяции.

**Депутат:**

– Он же по-русски говорить разучился. Хоть бы дедушку своего читал. Он ведь о чем говорит: правильно, России теперь без Запада хана, а то тут такой шухер будет, что нам крышка, и, в конечном счете, все выйдем, как мамонты. Однозначно!

**Журналист:**

– Но вот Китай живет!

**Экономист:**

– Видите ли, интегрально-сексуальные процессы в Китае, принявшие пандемический характер, являются генетической особенностью данной популяции. Алиментарные перверзии популяции непрезентабельны. Однако у меня есть фобии в отношении возможных инцидентов психогенного характера в приграничных зонах, связанных с аномальным поведением людей, страдающих кахексией.

**Депутат:**

– Во прет! Во прет! Как из нужника! Он и сам, наверное, не понимает, что говорит. А мысль-то правильная: трахаются в этом Китае где попало и с кем попало. Сам там был, сам пробовал. Знаю не понаслышке, депутат все на себе должен попробовать. Но их же там много, поэтому границу нужно охранять серьезно. Ну, хватит вопросов. Интересно должно быть кратким, как тост. С НОВЫМ ГОДОМ!

**Журналист:**

– А что бы Вы пожелали россиянам в этот предновогодний день?

**Депутат:**

– Чтобы популяция не пускала в правительство таких "дефолтов", как этот сраный экономист.

**Экономист:**

– А в Думу – таких депутатов, как этот экзальтированный экземпляр.

**Журналист:**

– Лучших пожеланий нашим дорогим соотечественникам и не нужно. С НОВЫМ ГОДОМ!

*Декабрь, 1997 год.*

## ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

Случайно на работе взял я в руки какой-то научный трактат великого философа современности, лидера одной из ближневосточных стран Кадафи, читаю: "Женщина – тоже человек, и эта истина неоспорима". Ну, просветил! Кто бы мог подумать! А у меня сразу к нему вопросик есть. Как же, думаю, задать этот мой вопрос? Почтой – не дойдет. Даже до границы не дойдет: поездами почту не возят, самолетами не доставляют, лошадей съели... Позвонить?

А номер телефона? В трактате не указан. А что, думаю, если телепатнуть вопросик? Зажал руками голову, напряг мысли и бросил рукой по-чумаковски телепатируемый вопросик в прямой эфир: "Если Вы утверждаете, что женщина тоже человек, то наша мымра директриса Эмма Львовна, эта корова, тоже человек?" И полетел вопросик бесформенной массой и ляпнулся где-то далеко коровьей лепешкой, аж в ушах заложило. "Значит, дошел вопрос до адресата", – думаю.

"Ждите ответа, ждите ответа...", – забулькало у меня в ушах. Чудеса! Я аж остолбенел. Лежа. Ну, сначала упал, потом остолбенел.

"Да, мы, Кадафи, считаем, что то, что женщина – человек – истина неоспорима. На Ваш вопрос о мымре отвечаем: в нашем утверждении речь идет о женщинах...".

С тех пор меня все тревожит "женский вопрос". Смотрю как-то фильм. Там один герой в своей пламенной речи утверждает: "Женщина – друг человека..." Я возьми да телепатни в прямой эфир: "Значит, Любка мне тоже друг?" Получаю ответ голосом героя фильма и даже со специфическим акцентом: "Да, дорогой, она тебе друг. В комбинезоне, пнимаете ли...". "Почему в комбинезоне?" – телепатирую. "А потому, что без комбинезона она тебе, пнимаете ли, любовница!".

Вдруг выбегает моя Машка из кухни, и как держала скалку в руках, так и врзала по телепатическому ашарату, в акурат между глаз. Подключилась, что ли, к эфиру? Подтелепатировала, наверное. Экран телевизора потух, свет тоже вырубился. "Какая сила – телепатия!" - еще успел подумать я.

Свет включился только в больнице. Лежу, рассуждаю о силе телепатии, а "женский вопрос" снова так и лезет в голову. Вот, например: "Баба с возу, кобыле легче". И у меня сразу вопросик имеется. "Телепатнуть, может, вопросик?" А потом: "Стоп! – думаю, – это же не у великого ученого-философа спрашивать, это же спрашивать у самого

Великого Русского народа! А он так может ответить...! Не приведи господь!" А! Будь, что будет! Сначала зажал голову руками, потом давай чумаковские выкрутасы выписывать... Не работает телепатическая связь. Провода, наверное, какие-то замкнулись... после скалки. Вдруг мультик включился. У меня после Машиного угощения мультики начали включаться на заданную тему. Стоит только глаза закрыть.

Зажмурился. Вижу: едет мужик на телеге, а сзади здоровая баба сидит. На мою Маню чем-то смахивает. Руки в боки и орет что-то на ухо мужику и машет у него перед глазами скалкой. Мужик возьми, да стегани кобылку что есть мочи. Возок-то из-под бабы и выскочил. Слышу голос за кадром: "Баба с возу, кобыле легче". А мужик так хитро улыбается и говорит загадочно: "Не токмо кобылке...". Только я глаза открыл, и мультик пропал. Пора, – думаю, – закрывать женский вопрос, как говорят, на хорошей ноте.

*1998 год.*



## ОБЪЯВЛЕНИЕ

"Заболевания опорно-двигательного аппарата" призывало лечить в заморских курортах-санаториях объявление, старательно написанное профсоюзной рукой.

Под объявлением, сиротливо сгорбившись в роковой нерешительности, стоял интеллектuala в очках-линзах. Работник умственного труда что-то записывал в свою потрепанную записную книжицу и бормотал себе под нос что-то невнятное, имея свое мнение об "опорно-двигательном аппарате". Он был уверен, что "опорно-двигательный аппарат" – это его мозг. Это ОН был ему всегда опорой и это именно тот аппарат, который двигает прогресс.

– Да-а-а! Это моя путевка, как раз по профилю! – сказал он громко, а про себя подумал: "Мозг мой стал в последнее время плохой опорой, да и мысль стала двигаться медленнее, чем растут цены. Ничего не успеваю... Нужно лечиться".

– За-бо-ле-ва-ни-я о-пор-но-дви-га-тель-ного ашпа-ра-та! – читает медленно, по слогам деbeatая женщина, явно не профсоюзный работник и не интеллектuala.

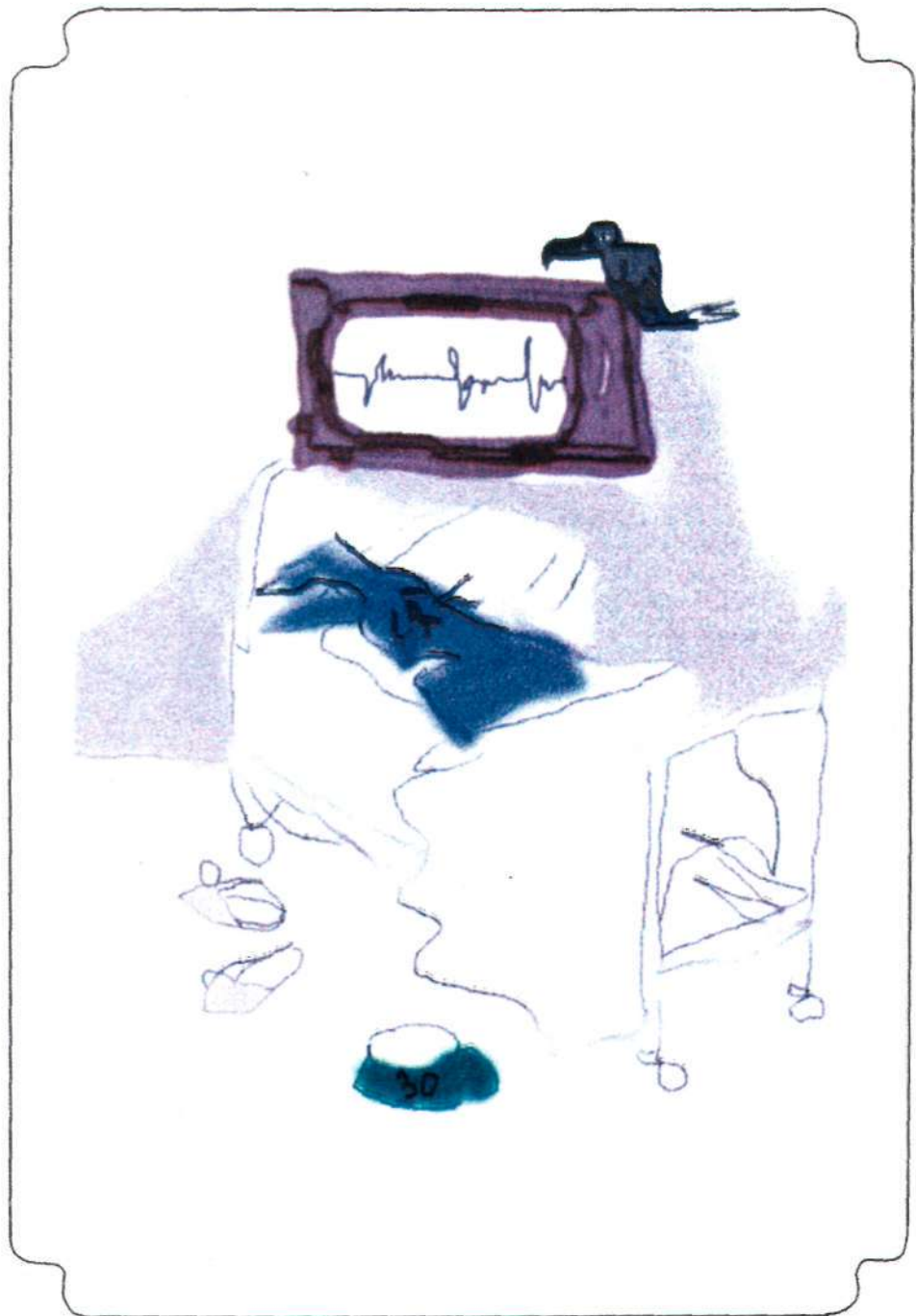
– Мне-то женская нужна, а тут, похоже, мужиков лечат. – А ну-ка: "опорно-двигательный аппарат..." – ну, конечно, для мужиков. Возьму-ка я путевочку своему, а то какая на него опора, если опорно-двигательный аппарат не того...

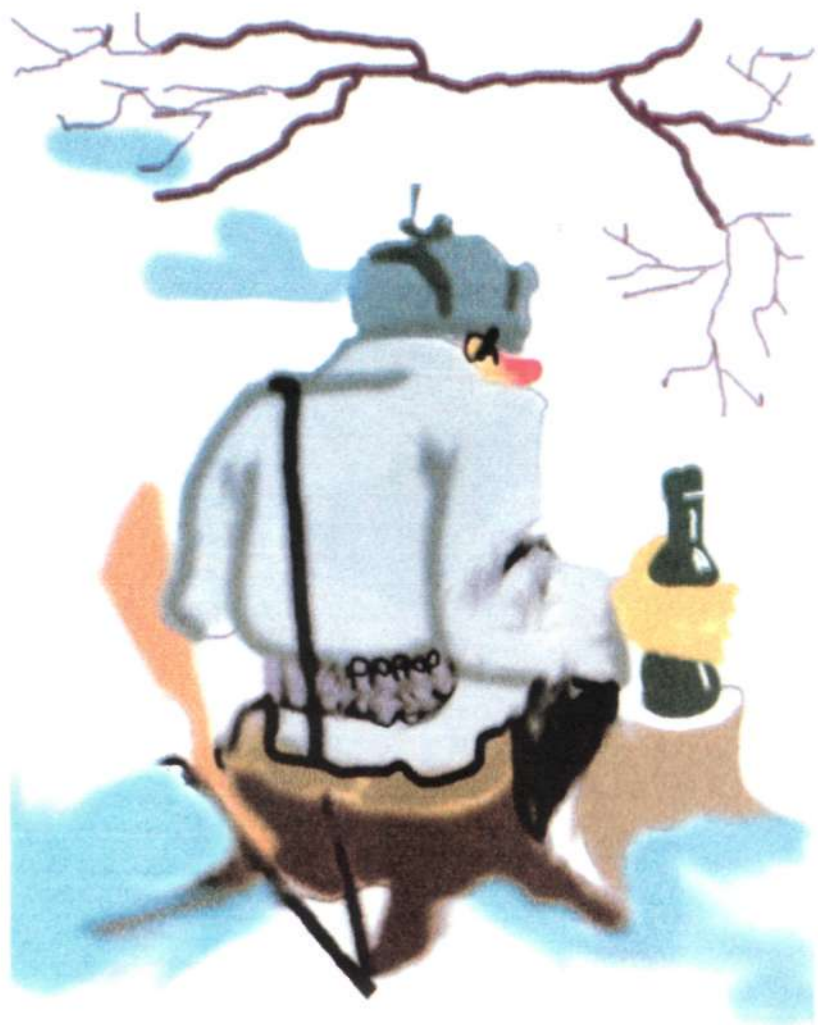
И уже философски заметила: – А нет опоры – нет и движения!

1995 год.









# КОРОЧЕ

## ВСЯК ЗАБАВЛЯЕТСЯ, КАК МОЖЕТ

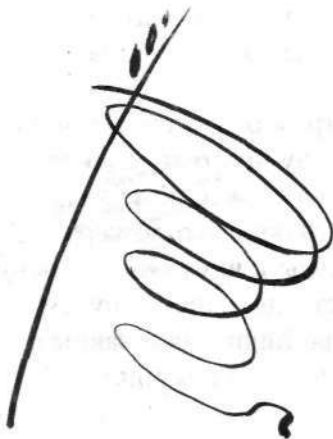
Всяк забавляется, как может —  
Кто мясо жрет, кто кости гложет,  
Кто пьет шампанское взахлеб,  
Кто пулю наставляет в лоб,  
Кто деньги на ветер спускает,  
Кто грош последний проедает.  
Одних земля держать не может,  
Другим никто уж не поможет...  
Кто честен, тот с петлей на шее,  
Того, кто врет, Фемида греет,  
Будто затмила ей глаза  
Льстеца нечестная слеза.  
Так водится спокон веков:  
При власти кто, тот без оков.  
Кто ж петлю на себя наденет?  
Есть власть — найдется и замена  
На эшафоте, под секирой...  
Есть власть — знать, и найдется сирый,  
Что жизнь отдаст и может сесть,  
Спасая властелина честь.  
А есть ли честь, скажи, у тех,  
Что ради пошленьких утех  
Легко святое попирают,  
Забыли речь и только лают?  
Где честь твоя, скажи, презренный?  
Не люб тебе взор откровенный?  
Пенять на зеркало не стоит!  
На эхо злиться, то пустое...  
Коль места нету для клейма,  
Коль плачет по тебе тюрьма,  
Не льни к Фемиде грязным ликом,  
Не услаждайся жертвы криком,  
Не бей того, кто уж лежит,  
Но Честь имеет, не дрожит.  
Не сник под наглым взором вора  
И не покрыл себя позором.

Не раз молили мы у Бога,  
Чтоб заступился за убогих.  
Но Бог молчит, как будто нету  
Кому помочь на белом свете.

И ты, мой друг, не раз бокал  
За счастье бедных поднимал.  
За тех, кто в море, кто в беде,  
Кто жизнь свою прожил в нужде,  
И животом не дорожил,  
За тех, кто дорог был и мил.

Так вот, хочу спросить тебя:  
Что лучше – жить в нужде, любя?  
Не знать, как золото звенит,  
Не знать, как ложь в петлю манит,  
Не видеть слез друзей своих  
И знать, что ты повинен в них...  
Или бродить презренным львом  
С набитым, сытым животом?  
Но чтоб в ночи в твоих глазах  
Стоял невероятный страх.  
На злате спать и быть убогим...  
И ждать возмездия от Бога.

*Апрель, 1998 год.*



## СТРАННАЯ БЕСЕДА

Недавно мне сказал хулитель,  
Фемиды лживый обольститель,  
Что он докажет мне, народу,  
Что я нечист душой от роду,  
И что труда ему не стоит,  
Бельишко грязное разрыв порою  
И перстом указав, что я – верблюд,  
Шампанское открыть и дать салют...

К концу же странной сей беседы  
Я, как последний непоседа,  
Носился, к зеркалам бежал..  
Себя, вокруг всех убеждал,  
Что нет горба, что чисты руки...  
Все хохотали, видя муки  
Моей истерзанной души...  
Так рады водке алкаши.

Давно луна взошла седая,  
А я мучительно зеваю,  
Нейдет мне сон который час,  
И подхожу который раз  
То к зеркалу, то свет включаю...  
И наконец-то замечаю,  
Что на руках как будто грязь,  
И мучаюсь: откель взялась?

Ведь утром был я свеж и чист,  
А тут – ну чисто трубочист.  
И в чем тут дело, я не знаю  
И зря башку свою ломаю.  
Зря тщусь: к чему же прикоснулся?  
А может, где упал, запнулся?  
Под утро лишь глаза закрыл,  
Эндимион меня сморил.

– Ну что, продолжим разговор?  
Я оглянулся, и в упор  
Меня сверлят свиные глазки.  
И сон не сон, не быль, не сказка:  
Копыта от грязи пятнисты,  
И уши-лопухи нечисты,  
И рыло грязное смердит.  
Мне рядом с ним сидеть претит.

– Извольте, сударь, объясниться! –  
Ответствую, а он бранится:  
– Верблюд! – кричит. – Нечисты руки!  
Я вновь испытываю муки  
И просыпаюсь весь в поту,  
Боясь, что в зеркале прочту...  
И лишь, увидя отраженье,  
Развеялись мои сомненья.

Всяк, басню прочитав, к себе примерит,  
И прежде, чем не спать, всегда проверит:  
Не от того ли дурно пахнут руки,  
Не от того ль испытывает муки,  
Что со свиньей пришлось пообщаться  
И, что вполне понятно, – измараться?

*1998 год.*



## КТО ПОЗДНО ВСТАЕТ...

Ветер, вьюга, снег летит,  
Наш герой в избушке спит.  
– Просыпайся, дорогой, –  
Говорит ему другой.  
– Кто ранехонько встает,  
Тому Боженька дает!  
– Я, конечно бы, поднялся,  
Если б кто за дичью гнался.  
Если б зайчик не спеша,  
Нас не видя ни шиша,  
Перед "мушкой" прогулялся.  
Глядь в окно: косач летит.  
Головой вокруг вертит.  
Смотрит: в избе свет горит.  
Через стеклышко в окошко  
Зоркий глаз за ним следит.  
– Дай-ка, – думает, – присяду  
На березку отдохнуть.  
Да не дал наш друг вздремнуть  
Горемыке косачу...  
Гриша выстрелил и молвил:  
– Я ведь супчика хочу.

И за супом наш герой  
Разговор повел такой:  
– Не всегда – "кто раньше встал"...  
Вишь, косач чуть свет поднялся  
И на мушку мне попал.  
Я же позже разгулялся  
Но зато не прогадал!

20.10.96 г.



\* \* \*

Говорят, что у народа  
Не бывает без урода.  
Потому как есть народ —  
Значит должен быть урод.

Плохо, когда весь народ,  
Как один сплошной урод.  
А бывает так в природе,  
Когда царь не той породы.

Часто матушка-природа,  
Посылает царь-урода,  
Чтоб не вывелась порода  
Среди этого народа.

При царь-батюшке-уроде  
Много легче жить народу.  
Знамо дело: есть народ,  
Есть и батюшка-урод.

Потому что у народа  
Не бывает без урода.  
Потому как — есть народ,  
Значит, должен быть урод.

\* \* \*

Златоглавая столица  
В серебро одета, в золото.  
Ты теперь, как заграница,  
Своего-то — лишь заплаты.  
Ярко крашенные губы...  
Нет на свете тебя краше,  
Золотом сверкают зубы —  
Видно издаля, что НАША.  
Смотрим на тебя с надеждой —  
Ты сильна, ты и могуча,  
Но сидишь в баских одеждах  
На навозной грязной куче.  
Вспотела Русь, крюком согнулась,  
Износила горе-лапти,  
В глуши только прослезилась —  
Тут же жемчуг пал в палатах.

И видя слезы на лицах,  
На память приходят слова:  
"Дорогая моя столица,  
Золотая моя Москва"

Родная Москва, дорогая!  
Алмаз в бесчисленных гранях...  
России только такая  
Столица не по карману.

\* \* \*

Жили у дедуси два веселых гуся:  
Рыжий гусь да кучерявый,  
Два веселых гуся.

Говорит дедуся двум веселым гусям:  
– Гогочите и жируйте,  
Пока не загнуся.

На лугу пасутся два веселых гуся:  
Не летают, не несутся  
Два веселых гуся.

Материт дедуся два веселых гуся,  
Но с гусей из окаянных,  
Как вода из гуся.

Заорал дедуся на веселых гусей.  
И подумали гусята:  
– А, что б ты загнулся!

Взял ремень дедуся, врезал по двум гусям –  
Перья оптом полетели  
Из веселых гусей.

Нету у дедуси двух веселых гусей.  
На других лугах пасутся  
Два веселых гуся...

## О ХОЛОСТЯКАХ...

Один всю жизнь искал свой идеал,  
А что искал, и сам не знал.  
Он к идеалу вроде приближался...  
Очки протрет и видит: обознался.

Другой в дерьме проковырялся,  
До чистого корыта не добрался.  
Ему бы дальше опыт продолжать,  
Да выдохся, и уж на все плевать.

Еще один сначала мог, хотел, да все стеснялся,  
Потом еще хотел, да сомневался,  
Затем уж не хотел, не мог и не старался.  
Весь облысел, обрюзг, да при своем остался.

## И НЕ ТОЛЬКО...

А вот чудак – еще желтеет рот,  
А уж жениться вздумал, хоть ты тресни.  
И бегаёт смотреть капусту в огород  
Все ночи напролет с такою же невестой.

А этот франт жену искал, как на картинке  
Нашел и смотрит на нее, как на икону,  
И все в их жизни хорошо, да есть заминка:  
Он ей приелся, а она ему – до боли аж, до стону.

А вот еще пример: нашел мужик себе невесту,  
И рад, что добрая она, хоть к ране приложи.  
А как женился, видит – что-то не на месте:  
Из рыбки в кобру превратилась, зубы, как ножи.

### МОРАЛЬ:

На свете двое ненормальных проживает:  
Один женат, другой же холост с юных лет.  
И оба всех знакомых уверяют,  
Что лучше жизни, чем у них, на свете нет.

*Июль, 1998 г.*

## В ТЕНИ

В Москве ли, в Киеве ли, в Минске —  
В какой столице, все равно,  
Голодный бомж, как на поминках  
Лежал в тени, словно бревно.  
Лежал на травке, отдыхая  
От безнадежья и безделья  
И жизнь былую вспоминая,  
Страдал от жуткого похмелья.  
Его звезда в былом сияла,  
Он весел был, и был беспечен,  
Его Наука занимала,  
Но был судьбою не замечен.  
Не вынес он того напора  
Жестокой жизни, злого рока  
И оказался под забором.  
Он слабый был, а жизнь жестока...  
Прошли шторма, настала скука,  
Плывет бедняга по волнам,  
Была весна, осталась мука,  
Нет места даже сладким снам.  
Прохожих солнце опалает.  
А он лежит себе в тени,  
Лишь только женщины вздыхают:  
"Боже! Спаси и сохрани!"

\* \* \*

Хорошо живется в рынке,  
Молоко не киснет в кринке.  
А не киснет потому,  
Что подошли все му-у-у-у!

\* \* \*

В Белый дом стреляют пушки –  
Веселится наш народ.  
Седне кнут, а завтра сушки –  
Так и движемся вперед.

\* \* \*

Как князья повеселились,  
Веселился и народ.  
У народа зад чесался,  
У князей наоборот.

\* \* \*

А я к доктору ходила:  
Думала, беременна.  
Он же клизму мне поставил  
Очень своевременно.

\* \* \*

Таракан погиб в неволе.  
Жить в неволе нету сил...  
Может, жил бы он поболее,  
Если б я не наступил...

\* \* \*

Провожает теща зятя:  
Возвращайся, мол, сынок.  
На душе его заплаты:  
Баба клонет, теща шьет.

\* \* \*

Хорошо в лесу медведям,  
Хорошо в тайге лосям.  
Нет проблем у них с обедом,  
Их проблемы бы врачам.

\* \* \*

Муха к воле потянулась,  
Сдуру набрала разгон.  
На лету в стекло вцепилась...  
Много есть таких окон.

\* \* \*

Нету кофе, нету чаю,  
Нету пива и вина.  
Коньяком гостей встречаю —  
Может, встретят так меня.

\* \* \*

Не гонялся б ты за журавлями,  
Не хватал бы звезд с небес.  
Синицу грей ленивыми руками,  
Рукава засучь, не жди чудес.

\* \* \*

Не живем, а выживаем,  
Существуем, не живем.  
То ли спьяну запрягаем,  
То ли выпивши везем?

\* \* \*

От Калуги до Находки  
Ходят девки без колготок,  
От степей до берегов  
Ходят хлопцы без штанов.

## АНЕКДОТЫ

Сара с Махом в постели.

Сара:

– Ты представляешь, Ривка каждый день тащит к себе в постель нового любовника. Мне трудно такое даже представить. А ты можешь представить в постели кого-то вместо меня?

Мах:

– Мне действительно тяжело это каждый раз представлять.

Сара:

– Что-о-о-о?!!

Мах:

– Ну, раз на раз не приходится...

– Доктор, глаза бы мои вас не видели! Если б я не заболел.

– Какое совпадение: я бы вас тоже не увидел, если б вы не зашли.

Идет бомж. Читает вывеску: "Исполняем любое одно желание". Заходит.

– Какое ваше желание? – встречает у порога его миловидная девушка.

– Хочу покушать.

– А зачем?

– Так я уже две недели по-большому не хожу.

– Уточните, что вы хотите: покушать или сходить по большому?

– Покушать и по-большому сходить.

– Два желания не исполняем. Следующий!

– Доктор, как вы относитесь к уринотерапии?

– ???

– Ну, понимаете, это если из своего сосуда выпивать немножко мочи с целью лечения.

– Видите ли, я бы серьезно относился к уринотерапии, если бы из сосуда по соседству еще и закусывать.

– Доктор, неужели нет выхода: только хирургический стол?

– Выход есть: стол паталого-анатомический.



Два охотника пришли к зимовью. Устали, с ног валяются.

Один: — Так устал, что не знаю что и делать: сразу сходить пос...ть, или сначала отдохнуть.

Другой:

— А ты иди ложись и делай одно и другое, а потом со свежими силами вынесешь.

— Доктор, жить я буду?

— Будете.

— Почему так грустно?

— Так очень мало будете жить.

В психбольнице на обходе.

— Доктор, мне уже лучше. Мне можно острое?

— Можно.

— Вот видишь. А ты: выплюнь иголки, выплюнь лезвие...

В психбольнице на обходе:

— Доктог, голубчик, мне уже лучше. Я уже не Наполеон.

И не смотрите на меня так, голубчик, собиайте весь персонал — и на субботник.

— Жену свою бью — значит, люблю.

— А она тебе отвечает взаимностью? Тебя-то любит?

— Конечно, любит. И никогда не изменяет.

— Потому что любит?

— Потому что всегда в синяках...

— Доктор, мне сегодня хуже.

— Хуже, чем когда?

— Чем вчера.

— Не стоит расстраиваться — зато вам сегодня лучше, чем будет завтра.

*Две вербы через границу  
Веками друг дружку тычут.  
Что ж вы хлещетесь ветвями,  
Коль давно срослись корнями?*

Русь, Великая Россия!  
Украина, Беларусь!  
Сердце млеет, сэрэ млие,  
Как вокруг я оглянусь!

Три могучие столицы –  
Минск, Москва и Киев,  
Притчей стали во языцех.  
Сердце млеет, сэрэ млие.

Больно видеть, как сестричкам  
Хельмут вместе с Билли  
Заплетают три косички.  
Сердце млеет, сэрэ млие.

Русь! Великая Россия!  
Украина, Беларусь!  
Сердце млеет, сэрэ млие,  
Как вокруг я оглянусь!

*Выражаю огромную благодарность  
своим друзьям, которые вдохновили  
меня на труд.*

*Особая благодарность  
за материальную помощь  
и моральную поддержку.*

